

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)

В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ: ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ НАУЧНОЙ РАБОТЫ С ПРОШЛЫМ

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

На примере творчества В.О. Ключевского поднимается вопрос о полезности синтеза научного и художественного взглядов на историю. Лекции по русской истории Ключевского и его рукописное наследие демонстрируют продуктивную возможность использования художественно-образительных средств для построения многофакторной картины прошлого. Изящная форма изложения исторических событий, остроумная оценка деятельной и нравственной роли исторических персон, ораторский артистизм, афористичность суждений и поэтичность впечатлений – эти и другие характеристики стиля Ключевского высвечивают его как исследователя, «открытого» для полемики вокруг вопроса «как надо писать историю». Сделан вывод о том, что мастерство Ключевского выстраивать теоретические конструкции истории и одновременно наполнять их художественным содержанием во многом усиливало общественный интерес к прошлому.

***Ключевые слова:** В.О. Ключевский, история, культура, общество, исторический факт, художественно-образительные средства.*

Поводом для написания статьи послужило оценочное суждение редактора юбилейного сборника «В.О. Ключевский: воспоминания и исследования» (СПб., 2017) А.В. Малинова о том, что в исторической памяти Ключевский принадлежит сразу двум эпохам: «великим реформам» императора Александра II и Серебряному веку русской культуры [2]. Поначалу такая параллель мне показалась необычной: Серебряный век и Ключевский. Для меня Серебряный век – это тот период русского модерна, который олицетворяет, прежде всего, всплеск художественно-символической культуры. Он видится престижным для изучения. До сих пор главные персонажи, в диапазоне от Николая Федорова до Владимира Соловьева, становятся темами международных конференций. И имя Ключевского, как правило, не фигурирует в этом ряду. Но доводы Малинова оказались убедительными. «По артистизму публичных выступлений с Ключевским едва ли может сравниться кто-либо из отечественных историков. Это был сознательно культивируемый артистизм, блистающий афоризмами, парадоксами и заготовленными экспромтами», – пишет он [9, с. 5].

Такая характеристика во многом перекликается и с впечатлениями учеников самого Ключевского. Так, А.А. Кизеветтер пишет: «Москвичам, посещавшим публичные заседания ученых обществ с участием Ключевского, хорошо известно, какое магическое влияние на аудиторию оказывало всегда появление его на кафедре. Ключевский начинал свою речь – и собрание, утомленное предшествующими докладами, вдруг, точно спрыснутое волшебной живой

водой, совершенно преображалось; внимание всех сразу взвинчивалось, глаза загорались, все, как один человек, чувствовали себя охваченными высоким наслаждением и от художественной красоты, раздававшейся с кафедры речи, и от той повышенной мыслительной работы, которую задавало уму каждого слушателя изложение лектора, блестящее неожиданными, поражающими своеобразием и глубиной оборотами мысли» [4, с. 38-39].

Исследователи солидаризируются во мнении о том, что «Курс русской истории» Ключевского представляет собой пример доказательного построения многофакторной истории и умелой типологизации социокультурного развития [1; 7]. Но не трудно заметить еще одно его достоинство: изящную форму изложения исторических событий и исторических персон [8]. В конце 1990-х гг., в перестроечной России наблюдался вполне понятный интерес к русской истории, написанной без идеологических купюр. Испытав на себе магическое воздействие от текстов Ключевского, на вопрос моих друзей и знакомых «что почитать», я всегда отвечала: «Почитайте Ключевского». Действительно, читать его лекции интересно, они не скучные, не переполнены датами, цифрами и ссылками к первоисточникам или авторитетам. Все это, разумеется, в текстах есть, но расположено так гармонично, что не мешает взору читателя/слушателя.

На этот счет также остались рассуждения Кизеветтера. Он пишет: «Те, кто слушали этот курс из уст самого Ключевского, хорошо знают, каким существенным дополнением к его словам служили виртуозные интонации его голоса» [3, с. 74]. Правда, социальные потрясения 1905 г. сказались на настрое аудитории. Из-за непрекращающихся сходов студентов, охваченных духом революционных перемен, Московский университет то закрывали, то вновь разрешали проводить занятия. Но даже в такой ситуации, когда профессоров свистывали и выживали из аудиторий, ораторское искусство Ключевского не утратило свою силу. «Я начал курс. Встретили молча, провожали шумным одобрением. Дичились друг друга – я их, они меня», – с явной горечью констатирует Ключевский начало учебного года в сентябре 1905 г. [6, с. 335].

Изящная форма описания исторических событий у Ключевского видна повсюду. В его изложении даже такая специфическая тема, как крепостное право, обретает живость и образность. Пошагово и доказательно излагает он историю холопства на Руси, формы тягловой зависимости разных слоев населения. Выявленные схемы складываются у него в «живую» картину, удовлетворявшую общественный интерес к новым переменам. Все это выглядит доказательно и одновременно выразительно. Например, вскрывая причины прекращения созыва Земского собора, Ключевский акцентирует внимание на усиливающемся отчуждении всех слоев населения Московского государства. Он показывает, как постепенно рвалась связь исторически близких сословий или, наоборот, как отдалялись ранее единые слои населения. Главной причиной отчуждения Ключевский называл колониционный образ жизни населения древнерусского государства и формирующуюся на этом фоне из века в век систему крепостной зависимости.

Погружение в действительность – этот прием стал набирать силу в философии истории начала XX столетия. Так, к примеру, работали русский мыслитель Л.П. Карсавин или нидерландский исследователь культуры Й. Хейзенга.

Нечто подобное делал и Ключевский. Одна из лекций его «Курса русской истории» прямо начинается с темы «Господа и крепостные». В этом фрагменте лекции хорошо видно, как академические рассуждения облачаются в художественно-изобразительные образы. Научное суждение о том, что одним из факторов отсутствия согласия сословий в русском обществе было крепостное право, Ключевский облачает в такое образное выражение: «Самым *едким* элементом сословного взаимоотношения было крепостное право» [здесь и далее в цитатах курсив мой. – *Е.М.*]. Говоря о последствиях крепостного права, Ключевский отмечает: «Нравственное действие этого права было *шуре* юридического». Вскрывая причины складывания крепостной зависимости на Руси, историк приходит к выводу о том, что все сословия были втянуты в этот процесс: «Все классы общества в большей или меньшей степени прямо или косвенно участвовали в крепостном *грехе*»... [5, т. 3, с. 176].

Исследовательская позиция Ключевского сводилась к признанию того, что «исторические факты ценятся главным образом по своим последствиям» [5, т. 5, с. 259]. Именно поэтому, изучая причины и формы складывания крепостного права, Ключевский заговорил о его далеко идущих последствиях, особенно социально-психологических. Крепостное право, на его взгляд, одинаково пагубно повлияло на сознание и помещиков, и крестьян, и горожан. Духом иждивенчества проникались помещики, у которых даровый труд крестьян порождал равнодушие ко всякого рода новшествам. Крепостные крестьяне тоже постепенно начинали усваивать иждивенческий облик своих владельцев, довольствуясь старыми привычками и навыками. Купцы и ремесленники также предпочитали использовать труд своих учеников безвозмездно.

Еще одной излюбленной темой Ключевского был вопрос взаимоотношений власти и общества. И здесь он проявляет дискурсивное разнообразие. Говоря о долгом отсутствии самосознания в русском обществе, он характеризует общественно-политический уклад Московского государства как «христианское общество, оборудованное всякими властями, церковными и полицейскими» [5, т. 3, с. 178]. События Смутного времени, по наблюдениям Ключевского, на время изменили одностороннюю векторность этих взаимоотношений: народ впервые проявил себя как субъект истории, способный решать государственные вопросы. «Утратив прежнюю политическую выносливость, народ перестал быть “безропотным и послушным орудием в руках правительства”» [11, с. 148]. Оправившись от Смуты, государство стало формировать удобную для него служилую систему, пронизывающую жизнь всех сословий духом подчинения, контроля и страха перед наказанием. По мнению Ключевского, такая система взаимоотношения российской власти и общества просуществовала до начала правления Петра Первого.

По тонкому наблюдению Ключевского, в эпоху Петра I форма обращения власти к народу начинает претерпевать заметные изменения. Если в Древнерусском государстве она носила характер взаимоотношений в форме «властелин» и «подданные», в Московском государстве – «строгий отец» и «дети», то при Петре I власть впервые начинает говорить с народом об общей пользе, об общем добре, о «долженствовании» не только подданных, но и самого государя.

«В повелителе впервые сказался правитель», «в голосе домовладыки послышалось признание зрелости домочадцев», – образно характеризует ситуацию Ключевский [10, с. 226].

Рассматривая далее взаимоотношения власти и общества, Ключевский усматривает элемент интриги в действиях русских царей XIX в. Он пишет в своих дневниковых записях о том, что общая тональность политики была такова, что правительство «давало обществу ровно столько свободы, сколько было нужно, чтобы вызвать в нем первые ее проявления, и потом накрывало и карало неосторожных простаков» [6, с. 341]. Такая политика началась при Александре I и продолжалась при Николае I, что надолго парализовало оппозицию. «Были негодующие люди, как Герцен, Грановский, Белинский, но не было угрожающих», – подмечает Ключевский [6, с. 341]. Для Ключевского в этом ряду не является исключением и правление царя-освободителя. «Александр II вступал на путь первого Александра. Одной рукой он дарил реформы, возбуждавшие в обществе самые отважные ожидания, а другой выдвигал и поддерживал слуг, которые их разрушали» [6, с. 342]. Как очевидец, оценивая революционные события 1905 и 1906 гг., Ключевский фиксирует новую, пессимистическую тональность взаимоотношений правительства Николая II и русского общества: «Попытка определить момент: правительство и общество перестали понимать и себя, и друг друга» [6, с. 342].

Эти и, разумеется, другие примеры, оставшиеся «за скобками» статьи, иллюстрируют мысль о том, что текстовое наследие В.О. Ключевского показывает возможность синтеза научного и художественного взгляда на историю. Лекции по русской истории Ключевского, его рукописное наследие и воспоминания о нем в своей совокупности демонстрируют продуктивную возможность использования художественно-изобразительных средств для построения многофакторной картины прошлого. Изящная форма изложения исторических событий, остроумная оценка деятельной и нравственной роли исторических персон, ораторский артистизм, афористичность суждений и поэтичность впечатлений – эти и другие характеристики стиля Ключевского высвечивают его как исследователя, «открытого» для полемики вокруг вопроса «как надо писать историю». Можно высказать суждение о том, что мастерство Ключевского выстраивать теоретические конструкции истории и одновременно наполнять их художественным содержанием во многом усиливало общественный интерес к прошлому.

Обращение к Ключевскому показывает современным исследователям, что научное обращение к прошлому может быть и доказательным, и образно-дискурсивным. С одной стороны, Ключевский тонко уловил настроение людей пореформенной эпохи, жажду их высвобождающегося сознания знать свою историю. Отсюда его желание говорить о прошлом как о настоящем. С другой стороны, Ключевский уловил стремление интеллигенции выразить свои чаяния не только в политических терминах, но и в тонко структурированных формах художественных средств изображения. Отсюда его желание говорить о прошлом не только доказательно, но и артистично.

Список литературы

1. Бельчевичен С.П., Рыбачук В.Б. Проблема культурно-исторической типологии в историософии Д. Мережковского и Г. Федотова // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: «Философия». 2015. № 2. С. 164-170.
2. В.О. Ключевский: воспоминания и исследования / отв. ред. А.В. Малинов. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2017. 265 с.
3. Кизеветтер А.А. Воспоминания о В.О. Ключевском // В.О. Ключевский: воспоминания и исследования / отв. ред. А.В. Малинов. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2017. 265 с. С. 73–83.
4. Кизеветтер А.А. Памяти В.О. Ключевского // В.О. Ключевский: воспоминания и исследования / отв. ред. А.В. Малинов. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2017. 265 с. С. 35–41.
5. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. / под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1987–1990.
6. Ключевский В.О. Дневник 1901–1910 // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. / под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1990. Т. 9. Материалы разных лет. С. 319–348.
7. Косарская Е.С. Проблема типологии социокультурного развития в философии истории русского позитивизма конца XIX – начала XX века: дисс.... к. филос. наук. М.: МГОУ, 2016. 189 с.
8. Маджаров А.С. В.О. Ключевский: художественное начало междисциплинарного метода исторического исследования // Вестн. Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: «Гуманитарные и социальные науки». 2017. № 5. С. 37–45.
9. Малинов А.В. К юбилею В.О. Ключевского // В.О. Ключевский: воспоминания и исследования / отв. ред. А.В. Малинов. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2017. 265 с. С. 3–9.
10. Михайлова Е.Е. Проблема социокультурного развития в российской позитивистской философии истории второй половины XIX – начала XX века: дисс. ... д-ра философских наук. Тверь, 2004. 335 с.
11. Никонов Л.А. Проблема взаимосвязи государства и общества в философии русского позитивизма: дисс. ... кандидата философских наук. Тверь, 2010. 181 с.

V. O. KLYUCHEVSKY: ARTISTIC MODE OF SCIENTIFIC WORK WITH THE PAST

Е.Е. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

On the example of V.O. Klyuchevsky's heritage, the article examines the opportunity and advantage of the synthesis of scientific and artistic approaches to history writing. Klyuchevsky's manuscripts and lectures on Russian history demonstrate the productive possibility of using artistic resources to build a multi-factorial picture of the past. Elegantly narrated historical events; witty

evaluation of the active and moral role of historical persons; oratory artistry; the aphoristic character of judgments and the poetry of impressions – these are the features of Klyuchevsky's style characterizing him as a researcher who is open to the controversial question: «how to write history?». Klyuchevsky's excellence in building up theoretical constructs of history and at the same time filling them with artistic content greatly increased the public interest in the past in Russia.

Keywords: *V.O. Klyuchevsky, history, culture, society, historical fact, artistic and visual resources.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университета», Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

MIKHAILOVA Elena Evgenyevna – PhD, Prof., Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru